

ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ ВОЙНЫ И МИРА В ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ ПРОЗЫ В.М. ГАРШИНА (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ «ЧЕТЫРЕ ДНЯ», «ТРУС»)

Статья посвящена рассмотрению проблемы противостояния войны и мира в прозаическом наследии В. М. Гаршина. На материале рассказов «Четыре дня» и «Трус» исследуются особенности поэтики военной прозы, сочетание в ней традиций и новаторства, эволюция художественного стиля автора, психология восприятия военных событий отдельно взятой личностью. Анализируется влияние творчества и моральноэтических догматов позднего Толстого на писателя, обозначаются основные философские и социальные течения эпохи, нашедшие отражение в выбранных произведениях. Прослеживается становление антимилитаристских убеждений в гуманистической парадигме ценностей, их утверждение в качестве ключевых морально-ценностных ориентиров Гаршина.

Ключевые слова: проза В. М. Гаршин, война и мир, антимилитаризм, гуманистические ценности.

Тема войны, будучи одной из древнейших в литературе, всегда интересовала писателей и поэтов. Достаточно вспомнить такие великие, монументальные произведения, как «Илиада» Гомера или «Слово о полку Игореве», чтобы утвердиться в этом мнении. Искусство слова не может существовать автономно: оно реагирует на историю, преломляя реальность и передавая ее, пусть и в модифицированном виде. К сожалению, наглядного материала для развития темы войны во все времена было достаточно. Из эпохи в эпоху противостояния и баталии между народами или даже представителями одной нации завораживали авторов своей кровожадной сущностью и экзистенциальным надрывом, ложась в основу общепризнанных шедевров художественной литературы («На Западном фронте без перемен» Э. М. Ремарка, «Прощай, оружие!» Э. Хемингуэя, «Тарас Бульба» Н. В. Гоголя, «Белая гвардия» М. А. Булгакова, «Повесть о настоящем человеке» Б. Н. Полевого, «Судьба человека» М. А. Шолохова, «Цинковые мальчики» С. А. Алексиевич и т.д.).

Всеволод Михайлович Гаршин был связан с войной на генеалогическом уровне: его отец был офицером кирасирского полка, принимал участие в Крымской войне, дед по материнской линии был морским офицером, а потому неудивительно, что сам писатель принял участие в Русско-турецкой войне 1877 – 1878 годов в качестве добровольца. Этот опыт впоследствии оказался амбивалентным: с одной стороны, он серьезно повлиял на развитие

творчества Гаршина, его ценностные ориентиры, с другой – пошатнул его и без того неустойчивое психоэмоциональное состояние.

В творчестве Гаршина война рассматривается не с позиции подвига народа и прославления силы его духа. Нельзя сказать, что военные действия описаны скудно и сухо, как свершившийся факт. Будучи соучастником тех жутких событий, писатель предельно явственно и точно описывает мельчайшие детали, пробирающие до дрожи.

Тема войны отражена в ряде произведений автора («Четыре дня», «Трус», «Очень коротенький роман», «Из воспоминаний рядового Иванова» и др.).

Рассказ «Четыре дня» был написан в 1877 году. Сюжет основан на реальных событиях, произошедших с рядовым Болоховского полка Василием Арсеньевым. Раненого спустя четверо суток нашли солдаты роты, в которой служил Гаршин. Этот случай глубоко поразил молодого писателя. Он взял реально произошедшее событие в качестве каркаса, фабулы, однако сознательно изменил многие детали, что повлияло на конфликт, проблематику и идейное содержание произведения. Так, в рассказе герой является убийцей неприятеля, фляга с водой которого позволяет ему поддерживать жизнедеятельность («Ты спасаешь меня, моя жертва!..» [1, с. 26]). Изменилась также национальность убитого: у Гаршина это египетский феллах, посланный на войну насильно.

Главная особенность рассказа, которая отмечается критиками, – демонстрация «окопной правды» [6] войны, предельно реалистично переданная атмосфера отчаяния, осознания безнадежности собственного положения.

Война в произведении представлена как нечто неестественное, существующее наперекор законам мироздания. Это реализуется в противопоставлении войны и природы с использованием приёма монтажа («Я помню, как мы бежали по лесу, как жужжали пули, как падали отрываемые ими ветки, как мы продирались сквозь кусты боярышника. Выстрелы стали чаще» [1, с. 21]), а также войны и мирной жизни, кажущейся ирреальной, фантазийной («Целая картина ярко вспыхивает в моем воображении. Это было давно; впрочем, все, вся моя жизнь, та жизнь, когда я не лежал еще здесь с перебитыми ногами, была так давно...» [1, с. 23]).

Действие разворачивается буквально перед глазами читателя, при этом ретардационно. Немаловажную роль в достижении этого эффекта сыграло использование глаголов в форме настоящего времени («Я лежу, кажется, на животе и вижу перед собою только маленький кусочек земли», «Я делаю движение и ощущаю мучительную боль в ногах», «Я чувствую, как шевелятся корни волос на моей голове», «Я прихожу в отчаяние и плачу...» [1, с. 21–32]).

Описания лежащего рядом убитого египтянина, максимально реалистичные, отдающие дань натурализму, роднят произведение с физиологическим очерком. Скрупулезные, подробные и детализированные, они завораживают своим искусным безобразием («Да, он был ужасен. Его волосы начали выпадать. Его кожа, черная от природы, побледнела и пожелтела; раздутое лицо натянуло ее до того, что она лопнула за ухом. Там копошились черви. Ноги, затянутые в штиблеты, раздулись, и между крючками штиблет вылезли огромные пузыри. И весь он раздулся горою. Что сделает с ним солнце сегодня?» [1, с. 28]; «Лица у него уже не было. Оно сползло с костей. Страшная костяная улыбка, вечная улыбка показалась мне такой отвратительной, такой ужасной, как никогда, хотя мне случалось не раз держать черепа в руках и препарировать целые головы. Этот скелет в мундире с светлыми пуговицами привел меня в содрогание. “Это война, — подумал я, — вот ее изображение”» [1, с. 29]).

В тексте подчёркивается своеобразная инаковость главного героя, граничащая с безумием. Во-первых, на фоне изнеможения и продолжительных физических мучений, солдат периодически частично теряет рассудок, происходит деперсонализация («Какие-то странные звуки доходят до меня... Как будто бы кто-то стонет. Да, это — стон. Лежит ли около меня какой-нибудь такой же забытый, с перебитыми ногами или с пулей в животе? Нет, стоны так близко, а около меня, кажется, никого нет... Боже мой, да ведь это — я сам!» [1, с. 23]). Во-вторых, добровольное приобщение к военным действиям само по себе поставило на борце за справедливость печать юродства в глазах общественности.

После осознания факта убийства, пусть вынужденного и в какой-то мере необходимого, главный герой переживает настоящий экзистенциальный кризис. Он не может смириться с мыслью об отнятии чужой жизни, закономерно пытается оправдать себя рациональными доводами, подспудно ощущая их несостоятельность и невозможность решения внутренней дилеммы («Я не хотел этого. Я не хотел зла никому, когда шел драться. Мысль о том, что и мне придется убивать людей, как-то уходила от меня»; «И чем виноват я, хотя я и убил его? Чем я виноват?» [1, с. 25]). Измененная автором национальность убитого лишь подчёркивает его безвинность, невольное приобщение к военным действиям («Прежде чем их посадили, как сельдей в бочку, на пароход и повезли в Константинополь, он и не слышал ни о России, ни о Болгарии. Ему велели идти, он и пошел» [1, с. 25]).

Последнее предложение не просто закольцовывает композицию, но делает ее бесконечно зацикленной, фрактальной («Я могу говорить и рассказываю им все, что здесь написано» [1, с. 31]). Этой истории суждено повториться еще множество раз. Как и миллионам других, таких разных, но похожих в бессмысленности и безжалостности людской жестокости.

Автор не верит в мистическое исцеление человечества от военной чумы.

При анализе важно обратить внимание на цифровой код произведения.

Через посредничество романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» мы выходим к библейской притче о Лазаре. Параллель солдат – Раскольников – Лазарь связывает не только число 4, но и концепция сюжета. Главный герой рассказа «Четыре дня», по сути, четыре дня находится на волоске от смерти, причем связано это не только с физическими обстоятельствами, но и с осознанием своей греховности, самоуничижением, постоянными попытками индугировать свои действия. С особенной пронзительностью звучит крик о помощи («Стойте, стойте, бога ради! Помогите, помогите, братцы!» [1, с. 29]). Несчастный молит об освобождении от оков своего разума, мучительного пребывания один на один со своей совестью не менее, чем о реальном, физическом спасении, и достигает его в бесконечной исповеди. Пережитый опыт можно считать перерождением героя в физическом и, что гораздо существеннее, духовном планах.

Рассказ «Трус» 1879 года сопоставим со своеобразным прологом, предисловием к предыдущему. Тема войны раскрывается на совершенно ином уровне. Каких-то реальных военных событий, «взгляда из окопов» в нём практически нет. На первый план выходит моральная дилемма, которую пытается разрешить главный герой.

Тем не менее, некоторые черты нарратива роднят два рассказа: это и эффект полного погружения, сопричастности, достигаемый с помощью употребления глаголов в форме настоящего времени («Я не могу ничего делать и не могу ни о чем думать» [1, с. 55]) и ювелирно точные, ужасающие своим правдоподобием физиологические описания («Начиная от шеи, на правой стороне, на пространстве ладони, грудь Кузьмы была черна, как бархат, слегка покрытый сизым налетом. Это была гангрена» [1, с. 60]; «Его болезнью и страданиями я пробую измерить зло, причиняемое войной. Сколько муки и тоски здесь, в одной комнате, на одной постели, в одной груди — и все это одна лишь капля в море горя и мук, испытываемых огромною массою людей, которых посылают вперед, ворочают назад и кладут на полях горами мертвых и еще стонущих и копошащихся окровавленных тел» [1, с. 61]).

Главный герой представлен в динамике: он глубоко переживает происходящие события, сильно воздействующие на него («Другой спокойно читает: “Потери наши незначительны, ранены такие-то офицеры, нижних чинов убито 50, ранено 100”, и еще радуется, что мало, а у меня при чтении такого известия тотчас появляется перед глазами целая кровавая картина»; «Двенадцать тысяч... Эта цифра то носится передо мною в виде знаков, то растягивается бесконечной лентой лежащих рядом трупов. Если их положить плечо с плечом, то составитя дорога в восемь верст... Что же это такое?» [1, с. 53]). В своих рассуждениях он и пророчески предрекает

будущее («Мне кажется, что нынешняя война — только начало грядущих, от которых не уйду ни я, ни мой маленький брат, ни грудной сын моей сестры. И моя очередь придет очень скоро» [1, с. 54]), и доходит практически до ницшеанских идей («Стоит ли действительно заботиться о какой-нибудь одной неважной жизни в виду великого дела! И в силах ли я подвергнуть свою жизнь опасности вообще ради какого-нибудь дела?» [1, с. 56]). Он разрывается между своим неприятием самого факта свершения войны, её бессмысленности и беспощадности, всеми рациональными доводами, следуя которым стоило бы остаться в Петербурге воспользовавшись протекцией влиятельных знакомых, и подспудным ощущением необходимости примкнуть к солдатам, внутренним голосом, твердящим: «Нехорошо».

Разрешение давно мучившей его разум дилеммы он находит в словах Марии: «Война — зло; и вы, и я, и очень многие такого мнения; но ведь она неизбежна; любите вы ее или не любите, все равно она будет, и если не пойдете драться вы, возьмут другого, и все-таки человек будет изуродован или измучен походом. Я боюсь, что вы не понимаете меня: я плохо выражаюсь. Вот что: по-моему, война есть общее горе, общее страдание, и уклоняться от нее, может быть, и позволительно, но мне это не нравится» [1, с. 64].

Главный герой, находясь в состоянии перманентной рефлексии, колеблется между стремлением пожертвовать своей жизнью и страхом ненужности, бессмысленности этого действия. Тем не менее, он становится очередной немой жертвой бушующего пожара войны и таким трагичным способом освобождается от моральной дилеммы, гнетущей пропасти, разделяющей долг и здравый смысл.

В разрезе анализа гаршинской военной прозы и его творчества в целом нельзя обойти стороной фигуру Льва Николаевича Толстого – величайшего романиста русской литературы XIX века. Тема войны с ее аксиологическими и философскими аспектами стала особой вехой в развитии его творческого пути. Изначально военные действия, в том числе с психологической точки зрения, были представлены в художественных произведениях писателя (цикл «Севастопольские рассказы», роман-эпопея «Война и мир»). Позже, в 90-е, Толстой приобщается к всемирному антивоенному движению и до конца жизни остается активным и проповедующим антимилицаристом, параллельно закрепляя основные тезисы и постулаты в трактатах. В подтверждение тому приведем цитату из труда «В чем моя вера?»: «Все учение Христа состоит в том, чтобы дать Царство Бога – мир людям. <...> Стоит людям поверить учению Христа и исполнять его, и мир будет на земле, и мир не такой, какой устраивается людьми, временный, случайный, но мир общий, ненарушимый, вечный» [8, С. 370]. Можно также выделить работы Толстого «Одумайтесь!» и «Единое на потребу».

Доподлинно известно, что писателей связывали близкие отношения: Гаршин видел в Толстом мудрого учителя, ментора; Толстой же, в свою очередь, живо интересовался молодым дарованием и поощрял его литературные успехи.

В критике эта взаимосвязь не могла остаться незамеченной. В. Г. Короленко обнаруживает в Гаршине «явное толстовское влияние» [4]. А. М. Мелихов, писатель и публицист, придерживается несколько иного мнения и подчеркивает: «Гаршин — не Толстой, и герой его — не Андрей Болконский: высокое небо не пробуждает в нём отрешённости от всего земного» [5].

Поэтика Гаршина лишена нарочитой назидательности и героической патетики. Тем не менее, нельзя не отметить, что его герои в экзистенциальной ситуации близости, предчувствия смерти переживают катарсис духа. Отсутствие «отрешенности от всего земного» лишено натуралистической природы; в нем ощутимы модернистские веяния, связанные с попытками постичь трансцендентные онтологические начала, в полной мере осмыслить цену и ценность собственного земного воплощения, прочувствовать единение с неуправляемым жизненным потоком. Гаршин с горечью осознаёт невозможность отсутствия войн на земле, вне зависимости от уровня развития социальных отношений и научно-технического прогресса, и в этой обреченности угадывается декадентский пессимизм. Несмотря на это, его герои, преодолевая животное и эгоистическое в себе, осознанно готовы пожертвовать собой — в первую очередь, во имя предотвращения собственного морального краха, предваряющего крах общемировой.

В военной прозе Гаршина смешались переосмысленные толстовские идеи о непротивлении злу насилием, антимилитаризм, пацифизм, обреченность и людское бессилие («Огромному неведомому тебе организму, которого ты составляешь ничтожную часть, захотелось отрезать тебя и бросить. И что можешь сделать против такого желания ты, ...ты, палец от ноги?») [1, с. 70]) и мессианская жертвенность, концепция соборности и взаимной ответственности каждого индивида за все человечество. В этом сложном переплетении смыслов и гуманистических ценностей — его стройность, глубина и проникновенность.

Библиографический список

1. Гаршин, В. М. Сочинения: Рассказы. Очерки. Статьи. Письма/ Сост. В. И. Порудоминский. — М., 1984.
2. Гусейнов, А.Л. Ненасилие как правда жизни // Опыт ненасилия в XX столетии. Социально-этические очерки / Под ред. Р.Г. Апресяна. — М.: Аслан, 1996.

3. Елизаветина, Г. Г. Талант человечности: К 125-летию со дня рождения В.М. Гаршина // Москва, 1980. – № 2. – С. 213 – 215.
4. Короленко, В. Г. Всеволод Михайлович Гаршин. Литературный портрет / В.Г. Короленко [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005396406_85088 (Дата обращения: 05.09.2022)
5. Мелихов, А. М. Самый чистый, самый искренний и самый симпатичный / А.М. Мелихов [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://magazines.gorky.media/nov_yun/2014/5/samyj-chistyj-samyj-iskrennij-i-samyjsimpatichnyj.html (Дата обращения: 05.09.2022)
6. Федотов, В. С. Быль и сказки Гаршина // В.С. Федотов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/neva/2012/7/byl-i-skazki-garshina.html> (дата обращения: 06.07.2022)
7. Сухотина-Толстая, Т. Л. Друзья и гости Ясной Поляны // Т.Л. Сухотина [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/vospominaniya/suhotina-tolstaya-vospominaniya/druzya-i-gosti-yasnojpolyany.htm> (Дата обращения: 07.09.2022)
8. Толстой, Л.Н. В чем моя вера? // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. В 90 т. Т. 23. – М.: Художественная литература, 1957. – С. 304 – 465.